

Опомнившись, я быстро нырнул вглубь укрытия и только тогда заметил, что просквозил насквозь — всё тело было мокрым от пота.

У меня появился шанс попасть на передовую!

Япошки ещё не отступили!

Какая муха их сегодня укусила? Неужели решили идти ва-банк?

На правом фланге я успел засветиться во всех укрытиях, откуда можно было вести огонь по врагу — как спереди, так и сзади, с флангов. За эти два дня противник всё лучше изучил устройство наших позиций, и теперь отыскать выход для вылазки, который стал бы для них неожиданностью, невероятно сложно. Рыпаться в окопы на поверхности — верная дорога в живые мишени для врага: перекрёстный огонь с неба и земли не оставит тебе ни единого места, где можно спрятаться, не говоря уже о том, чтобы эффективно бить по неприятелю.

Обросив мысли о вылазке наружу, я принялся пробираться наощупь к первому укрытию, что ближе всего к врагу.

Наступление наземных сил противника захлебнулось после нашей очереди недавних атак, и перепуганной японской авиации не оставалось ничего, кроме как подлететь к нашим позициям и подавлять нас пулемётным огнем. В небе снаружи всё громче нарастал стрекот вертолётных винтов. Видимо, вражеские пилоты не заметили и следа наших средств ПВО и осмелели, начав давить сверху.

Зенитных ракет нет, крупнокалиберные пулемёты враг разбомбил давным-давно. Оставалось уповать лишь на то, что у соседей по позициям ещё остался хоть какой-то зенитный заслон.

Бойцы на позициях молча и стойчески сносили вертолётный обстрел.

Огневая поддержка с воздуха? Об этом уже не могло быть и речи.

Судя по рассказу командира роты из утреннего пополнения, из-за круглосуточных бешеных штурмов японцев мы выдохлись, боеприпасы были на исходе. Позиции на восточном участке фронта давно превратились в решето, на многих из них и вовсе шли рукопашные схватки. Переносные и зенитные комплексы малой дальности начали заканчиваться ещё несколько дней назад; ещё вчера вечером у нас оставалось две зенитные ракеты и один единый пулемёт в качестве ПВО, а теперь — лишь зенитный пулемёт на танке Су Циня. Можно было не сомневаться, что у соседей дела обстояли не лучше нашего.

Добравшись с винтовкой ползком до наблюдательного пункта, я заглянул в перископ и увидел, что вражеская бронетехника сосредоточилась примерно в трёхстах метрах от нас, а пехота залегла в воронках метрах в шестидесяти-семидесяти впереди бронемашин.

Судя по шуму винтов, над позициями барражировали две вражеские вертушки, а вдали, должно быть, висело ещё несколько — для удаленного наблюдения и наведения.

Лопасты вражеских вертолетов поднимали столбы пыли на позициях, а поднятый нашими бойцами дым постепенно сдувало ветром, и позиции снова обнажались перед наземными силами неприятеля.

Враг вновь открыл ураганный огонь, взрывы снарядов загremели один за другим.

— Вражеская пехота снова ползет сюда.

Я вздохнул и пробормотал себе под нос.

— Вэй Бэйхуэй, Вэй Бэйхуэй, ты еще здесь? — окликнул меня кто-то сзади.

Это Ли Вэй. Оглянувшись, я увидел, как Ли Вэй протискивается внутрь в сопровождении четырех бойцов.

— Какая здесь обстановка? — спросил Ли Вэй.

— Вражеские вертолеты прижали, нос не высунуть, — с досадой ответил я.

— На позициях есть еще что-нибудь, чем можно завалить их вертолеты?

В поте лица выпалил Ли Вэй.

— Больше ничего, только гранаты да патроны. Стоп, в тупике позади свалена куча трофейного оружия... Там есть тридцатимиллиметровая автоматическая пушка!

Вспомнив пушку, которую бойцы при зачистке поля боя демонтировали позади пару дней назад, я громко выкрикнул.

Едва подбив вражеский танк, мой мозг словно прояснился.

— Ого, верное дело! Чего ж ты раньше не сказал! Можем приложить их вертолеты, даже если не попадем — хоть шуганем.

Один из бойцов с восторгом хлопнул меня по плечу.

Призрачная надежда на выживание мгновенно оживила атмосферу в наблюдательном пункте.

Тогда Ли Вэй отдал приказ:

— Сун Буи, большой Ли, Чжан Тинъюй, вы трое хорошо знаете устройство и характеристики японской пушки, ступайте с ним в тупик, осмотрите её.

Трое бойцов отозвались на приказ и, толкнув меня в спину, поспешили к центральной позиции.

Найдя по дороге неразорвавшуюся дымовую шашку, я привел за собой троих к выходу из укрытия, ближайшему к центральной позиции.

Правая и центральная позиции изначально соединялись двухъярусной системой тупиков-ходов сообщения, но из-за неоднократных прорывов противника и ожесточенных схваток за узловые точки часть ходов оказалась завалена взрывами. Теперь, чтобы попасть из правого тупика в центральный, требовалось преодолеть пятидесятиметровый открытый участок поверхности. Пусть мы и могли обойти его по траншее, в любом случае на это ушло бы секунд семь-восемь, да к тому же пришлось бы опасаться заградительного огня пушек вражеских бронемашин и вертолетов.

— Как вы сюда прошли? — спросил я.

— Только что проскочили под прикрытием дыма, пока ты лупил вражеский танк. Мы всю правую позицию облазили, пока тебя нашли. Ну ты и лютый, братец!

Большой Ли поднял передо мной большой палец.

Эта победа досталась ценой собственной жизни, поставленной на кон. Случись всё заново, я бы уже не поручился за собственную смелость.

Мне хотелось улыбаться, но повода не нашлось.

Удастся ли мне вообще выбраться с этого поля боя?

Натянув приборы ночного видения, я забросил чеку дымовой гранаты. Четверо вихрем помчались по траншее.

Автоматическая пушка валялась в углу, рядом грудились ленты с трехцветными снарядами.

— Отлично, бронебойно-зажигательные! — просияв, подхватил связку патронов Сун Буи, правый рукав которого был оторван по плечо.

Чжан Тинъюй и Сун Буи впопыхах принялись разбираться и осматривать пушку.

— Рабочая!

Окончив осмотр, Чжан Тинъюй тоже повеселел.

— Гляньте, тут еще добро! — рослый большой Ли рылся в других трофейных стволах.

— Переносная рация японцев с шифрованием. Рабочая, только подключи питание! Позже покажем Цзян Лэю, пусть поразбирается.

Большой Ли поднял рацию и придирчиво повертел её в руках.

— Большой Ли, потом поразбираешься, давай сначала наверх — гасить этих птичек! — недовольно прикрикнул Чжан Тинъюй.

Зачехлив пушку, Чжан Тинъюй и Сун Буи друг за другом взвалили её на плечи и двинулись наверх к тупику. Мы с большим Ли следовали за ними, неся патронные ленты.

Су Цинь и Цзян Е, должно быть, давно попрятались, а кружащие в небе японские вертолеты скучали, нарезая круги над полем боя и прикрывая наземные части.

Странно всё это: раз уж угрозы со стороны ПВО не осталось, почему враг не применит свой излюбленный метод вертикального охвата и не прорвется напрямик в город?

Не встречая никакого зенитного сопротивления, японские вертолеты шли очень низко, и вся позиция гудела от рокота винтов.

У выхода из верхнего тупика не нашлось подходящей позиции для стрельбы в небо. Чтобы снаряды противника не залетали напрямик в ходы сообщения, все выходы прикрывались защитными стенками, и мы добрых полдня искали хоть какую-то огневую точку.

Выбираться наружу — безумие, позиции бурлили, как кипяток, разрывы снарядов фонтанами взмывали ввысь. Не успеешь и пушку установить, как вражеский огонь накроет с головой.

Что делать?

Всех прошиб холодный пот.

Тем временем Ли Вэй уже вовсю подгонял бойцов по рации.

Вражеская пехота вот-вот прорвется в тупики!

— Тут есть лазейка!

У зоркого Чжан Тинюя глаз оказался алмазным: он заметил, что вражеский снаряд разворотил потолок хода сообщения, пробив дыру метр на метр.

Все дружно ухватились и затащили туда пушку.

Да устанавливать её негде!

Этот отрезок хода сообщения был высоким, поставить пушку на землю для стрельбы не представлялось возможным — кто-то должен был держать её на весу. Но пушка тяжелая, здоровый мужик с трудом мог её обнять, а уж о прицельной стрельбе и речи не шло, не говоря о том, чтобы выдержать чудовищную отдачу при непрерывной стрельбе!

— Малыш Цзян, ты води огонь. Мы со стариком Суном держим, ты подавай снаряды. Живо!

Не раздумывая, большой Ли с ходу подхватил Сун Буи, они взвалили пушку на плечи, высунув ствол в пролом в потолке хода сообщения.

— Большой Ли!

Чжан Тинюй на мгновение замер, но, перехватив взгляд большого Ли, замолк, припал к земле и принялся за орудие.

Стыковка ленты, поиск цели.

Я стоял рядом с Чжан Тинюем, вцепившись в ленту, и вскинув голову, как раз вовремя разглядел в небе две наглые японские вертушки. Зависнув на высоте более ста метров по обе стороны от нас, они покачивали носами, прочесывая позиции.

— Внимание! Держать крепче. Огонь!

Чжан Тинюю потребовалось несколько секунд, чтобы поймать в прицел тушу вражеского вертолета.

— Бей!

Под рев Чжан Тинюя пушка выплюнула длинный язык пламени, а дикая отдача заставила всех четверых качнуться назад.

Раскаленные пустые гильзы градом посыпались мне на руки, обжигая так, что я судорожно

втягивал воздух.

Попали ли по врагу — неизвестно, но в самый момент падения мне вроде бы почудилась вспышка взрыва в воздухе.

— Осталась еще одна, не дать ей уйти! — заорал Чжан Тинюй.

Когда я опустил глаза на большого Ли и Сун Буи, то вдруг заметил, что их подбородки залиты ярко-алой кровью!

Страшная отдача!

Большой Ли и Сун Буи приняли на себя львиную долю отдачи при стрельбе из автопушки: от сильнейшей вибрации и удара у обоих полопалась кожа на ладонях и плечах, а из носов и уголков ртов потекла кровь.

Оба глухо застонали и, тяжело и глубоко задышав, снова приподняли ствол.

У Сун Буи на толстой шее и оголенных руках вздулись вены, а лица обоих приобрели жуткий багровый оттенок.

— Буи, давай!

Большой Ли с трудом выдавил три слова сквозь зубы и, согнувшись, снова выровнял оружие.

Я растерянно смотрел, как изо ртов обоих ручейками течет кровь.

Медлить было нельзя, и Чжан Тинюй отвел полный тревоги взгляд от товарищей, вскинув голову в яростном поиске второй японской вертушки. Взгляд его сделался жестким и пронзительным, на скулах заходили желваки.

Пилот японцев в небе слева явно опешил от столь внезапного зенитного огня, резко задрал нос и заложил вираж, намереваясь набрать высоту и уйти.

Это была японская боевая машина огневой поддержки типа Команч, обладающая феноменальной маневренностью — в мгновение ока она разорвала дистанцию.

Чжан Тинюй удержал пушку, скорректировал угол возвышения и взял на прицел стремительно улетающий с поля боя Команч.

— А-а-а!

Вслед за ревом Чжан Тинюя оружие вновь изрыгнуло в небеса раскаленный и бешеный поток снарядов. Бронебойно-зажигательные головки в клубах оглушительного грохота пороховых газов и яркого дульного пламени взмыли ввысь, пронзая ночное небо раскаленными копьями.

Снаряды точно угодили в ракетный пилон вертолета, и в ночном небе распустился гигантский огненный шар.

Не успели мы толком разглядеть, как японская вертушка взрывается и разваливается в воздухе, как все четверо рухнули под диким напором отдачи пушки, потеряв последние силы. Патронная лента, висевшая на мне, со звоном брякнулась оземь. Пушка с грохотом рухнула на землю.

Большой Ли и Сун Буи со всего маху врезались в стену хода сообщения и ничком повалились на пол, долго не шевелясь.

Мы с Чжан Тинюем отделались легче: нас лишь отбросило на стену, отчего немилосердно заныли спины.

— Большой Ли! Буи! Как вы? Держитесь?

Мы с Чжан Тинюем, припав к земле, бросились к ним.

В отблесках рвущихся снарядов мы увидели их мертвенно-бледные лица; из носов и уголков рта продолжала сочиться кровь. Мы вытирали её руками, отчаянно выкрикивая их имена.

Лишь спустя долгое время оба кое-как разлепили глаза.

— Живо! Оттащим их вниз передохнуть. Там есть противовоздушное укрытие.

Сказал я.

В убежище оставались кое-какие медикаменты. Втащив их туда и усадив спиной к стене, я принялся шарить по ящикам в поисках полевых кровоостанавливающих средств для внутреннего и наружного применения.

Воды не нашлось, парням пришлось с трудом сглатывать порошок насухо.

— Отдохните пока здесь, не ерзайте. Мы ходим к укрытию на разведку.

Убедившись, что их состояние стабилизировалось, мы с Чжан Тинюем развернулись и вышли.

Шагая по ходу сообщения наверх, Чжан Тинъюй внезапно вспомнил про японскую переносную рацию и велел мне прихватить её.

— Старик Вэй, прихвати рацию, отнеси Цзян Лэю. А я пойду подберу автопушку — эта штука еще может пригодиться.

— Ну что, есть связь?

Подключив батарею, Чжан Тинъюй обратился к Цзян Лэю.

Япошки на улице уже откатились: без поддержки с воздуха эта банда наемников воевать не умела.

— Есть! До чего же беспечны эти япошки, даже режим псевдослучайной перестройки рабочей частоты не сменили.

Вскоре Цзян Лэй перехватил вражескую частоту.

Похоже, без чуткой опеки американских хозяев эта свора наемников не утруждала себя заботой о секретности фронтовой связи.

Послушав пару секунд, Цзян Лэй озадаченно поднял голову.

— Говорят, через тридцать секунд прилетит саранча. Судя по акценту, отдает приказ какой-то американский офицер, — доложил Цзян Лэй Ли Вэю.

— Стопятьдесятьпятые гаубицы.

Ли Вэй поднес к горлу ларингофон и негромко бросил:

— Всем внимание, сейчас накроет стопятьдесятьпятками, все живо в укрытия под землю.

На поле боя свирепствовала мощная радиоэлектронная борьба, но предупреждение Ли Вэя народ разобрал с трудом.

И точно. Спустя мгновение, вслед за пронзительным воем рассекающих воздух снарядов, позиции потрясла череда оглушительных разрывов.

Земля снова заходила в судорогах, а с потолка градом сыпались мелкие куски бетона, барабания по нашим каскам и плечам.

Еще долго после прекращения взрывов у меня не хватало сил вытащить беруши, желудок после недавней бомбежки выворачивало наизнанку, муки были адскими.

Остальные выглядели не лучше — привалившись к стенам, они тяжело и часто дышали.

Пережили еще один заход. Тишина. Какая же благословенная тишина.

Я собрался осмотреть свои мелкие раны...

Сколько прошло времени? Казалось, вечность...

Чья-то рука растолкала меня, прерывая раскатистый храп. Это был Чжан Тинюй. Подняв голову, я вгляделся в глаза этому ублюдку с твердым намерением прикончить его. Он прочел мои планы по лицу и отступил на шаг. Тьфу ты, да это же мой боевой товарищ Чжан Тинюй, я постепенно припоминал, чем вообще занимаюсь.

— К бою! Вы двое держите левый фланг, если нужна поддержка — орите.

Майор уткнулся в перископ и глухо бросил.

Враг снова открыл шквальный огонь, снаружи в укрытие то и дело летели осколки и комья взрытой земли. Японская пехота ползла вперед, непрерывно поливая всё из огнеметов и накрывая из автоматических гранатометов, озаряя крошечную тьму вспышками.

Уцелевшие вражеские вертолеты по-прежнему барражировали над позициями, хотя судя по звуку, ушли значительно дальше.

— Надо что-то придумать, чтобы поскорее сбросить врага вниз. Иначе мы раньше времени увязнем в позиционных боях с их пехотой в лабиринтах, — произнес я.

Отходить положено в три часа ночи, времени еще вагон, я лишь надеялся свести к минимуму ближний бой, чтобы протянуть до часа отхода.

Тут Чжан Тинюй получил приказ.

— К бою! Дымы уже зажгли.

Сняв винтовки с предохранителей, мы подступили ближе к выходу из тупика.

Прикинув время, едва вражеский огневой вал перенесли, я единым махом выпрыгнул в траншею снаружи.

— Осторожно!

Чжан Тинъюй неотступно следовал за мной.

— Держитесь рассредоточено, через каждые несколько метров есть лисьи норы, можно укрыться.

Бросив это, я аккуратно увеличил дистанцию между нами и Чжан Тинъюем.

Толпиться на позициях — смерти подобно.

Если расстояние меньше двадцати метров, япошкам хватит одной 155-миллиметровой гаубицы, чтобы прихлопнуть нас обоих разом, избавив от хлопот по сбору останков.

Где-то далеко справа товарищи уже открывали огонь по врагу.

Хладнокровные короткие очереди — работал ветеран.

Я осторожно высунулся осмотреться.

Непосредственно передо мной возле подбитого танка всюду копошилась вражеская пехота, а чуть дальше виднелись их самоходные минометы и бронетранспортеры; хоть в темноте толком ничего не разобрать, тени сновавших японцев мелькали повсюду.

Враг пер ораве.

Японские минометы били наотмашь, со свистом взметая обломки и щебенку с позиций; малокалиберные пушки БТР время от времени изрыгали очереди снарядов, вздымая над землей столбы пламени высотой в сажень.

Выбрав цель, я открыл огонь, винтовка резво заплясала в сгибе локтя.

Не тратя времени на оценку результатов, я на бешеной скорости заскользил по траншее, то и дело останавливаясь, чтобы выпустить очередь по какому-нибудь зарвавшемуся пехотинцу.

Поверхность позиций кишела разрывами.

На бегу спусковой крючок зацепился за снаряжение, я наощупь стал менять магазин.

Не уследив, запнулся о валявшуюся поперек траншеи тушу и растянулся на земле. Не успел я

подняться, как самоходки японцев вновь накрыли нас воющим огненным валом.

Вот блин напасть!

Заметив внизу траншеи лисью нору, я почти рефлекторно сиганул в неё боковым кувырком.

Снаряд разорвался прямо над моей головой. Сквозь метровый слой грязи с камнями и бетона я все равно ощутил колоссальную мощь взрыва.

Меня оглушило и раскололо на части, в ушах раздался пронзительный звон, перед глазами заплясали искры.

Меня едва не контузило, я долго пребывал в каком-то полубытьи, а кислородное голодание вызывало приступы дурноты. Я широко открыл рот, пытаюсь вдохнуть, но воздух пропах сплошной пылью.

Укрытие местами разворотило. В воздухе стоял удушливый, гадкий дух взрывчатки гексогена. Я зашелся в надсадном кашле, в груди немилосердно тянуло и рвало от боли.

Прибор ночного видения сорвало ударом, а поднятая пыль не давала открыть глаза.

В темноте я нашарил рядом булыжник.

Это о него мне только что прищемило грудь куском деформированного бетона; шагньи он чуть дальше внутрь — и эта глыба раздавила бы меня всмятку.

Чудом пронесло!

Я долго лежал на земле без движения.

Судя по звукам, противник отступал, нужно было срочно уходить под землю. Японцы обожали сопровождать любое наступление непрекращающимися артобстрелами тяжелой артиллерии, и шлаться сейчас наверху — чистейшее самоубийство. Пережив напасть, я кое-как попытался вытянуть засыпанные землей ноги. Приклад все это время упирался мне в поясницу, причиняя дикую боль.

Выкарабкавшись из разбитой норы подобно спасшейся крысе, я принялся натирать ушибленную камнем грудь.

Проклятые узкоглазые ублюдки!

Понося вражескую артиллерию последними словами, я в темноте принялся определять свое местоположение.

Это место не уступало преисподней — нет, это и была преисподняя.

Изуродованная земля напоминала безжизненную пустыню лунного пейзажа. Враг отступал, а подавляющий огонь бронетехники вхолостую продолжал вспахивать лунный ландшафт. Позиции озаряли зловещие блуждающие огоньки, а едкий пороховой дым, разметанный взрывными волнами, клубился над землей подобно занавесу загробного мира.

Ну и местечко, чтоб его!

С трудом выплюнув изо рта песок и опираясь руками о стенку траншеи, я наощупь побрел к входу в укрытие.

<http://bllate.org/book/21115/2142667>